

АЛЁНА СЕЛЮТИНА

И ЖИЛИ ОНИ! ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

фэнтези

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

Red Violet. Больше чем магия

АЛЁНА СЕЛЮТИНА

И жили они долго и счастливо

Москва
МИФ
2024

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

*Моей семье.
Спасибо, что выбрали
и продолжаете выбирать меня*

СКАЗКА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ЖИЛИ-БЫЛИ...

*У меня жена умная,
У меня душа разумная.
У ей походка павлинная,
Тиха речь лебединая.
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя.*

Русская народная песня

ГЛАВА 1

Шлеп, шлеп, плюх...

- Ай, больно же! Тьфу ты... Вот и поужинала...
- Обойдемся без привала?
- Кош, ты роешь себе могилу.
- Здесь даже рыть не надо...
- Может и так, но факта это не отменяет.
- Останавливаемся?
- Да.

Очередной комар размером с небольшого мамонтенка сел на спецовку, бодро проткнул рукав и приступил к трапезе. Василисе захотелось разреветься. Настроение было отвратительным, еще когда они подходили к болотам, теперь же вдобавок чесалось и зудело все тело: не помогли ни репелленты, которыми она облилась более чем щедро и которые отчаянно воняли, ни березовый деготь, в котором был вымазан платок, завязанный на запястье. Комарам было хоть бы хны, зато внезапно выяснилось, что вся эта дикая смесь отпугивает Кощея, подтверждая тем самым его репутацию отъявленного кровопийцы. Все то время, что они шли по болоту, Кощей старался держаться от нее подальше, ворча, что у него дыхание перехватывает. Колдовать он запретил, рассудив, что если на болоте расставлены ловушки, то магия их активирует. Однако на комаров не жаловался, и для Василисы это стало вторым доказательством того, что они признали в нем своего.

Вообще же комары, кажется, были единственными, кто остался среди трясины. Тишину нарушали лишь их писк и жужжание да редкий звук лопающихся пузырьков метана. Не было слышно ни птиц, ни животных. Лес вокруг словно вымер. А воздух сгустился, давил на грудь, и по мере продвижения вглубь топей дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Они слонялись по этому болоту уже почти полтора часа и пока ни на что не наткнулись. Давно не ездившую на вызовы и отвыкшую от подобного Василису это нервировало.

Она выбралась на ближайший сухой островок, прислонилась спиной к трухлявому пеньку и прикрыла глаза. Над головой мгновенно сгустилась темная тучка. Даже сквозь москитную сетку это выглядело жутко.

— Кош, сделай что-нибудь, — попросила она.

Кощей хмыкнул, порылся в многочисленных карманах своей спецовки, нашел лучину, поджег щелчком пальцев и воткнул в землю. Сизоватый дымок с красными прожилками устремился вверх тонкой струйкой, и комаров как ветром сдуло. Из другого кармана Кощей вытащил флягу, отвинтил крышку и сделал несколько глотков.

— Будешь? — спросил он Василису.

Она кивнула, приняла флягу и тоже отпила. Вода была прохладной, свежей и сладковатой. Дышать стало легче. Василиса решила, что для дела еще немного сможет потерпеть, как бы тяжело ей здесь ни было. Болота вводили ее в уныние. Они все еще снились ей порой — два с половиной года в лягушачьей шкуре не прошли даром. Некстати пришла мысль: быть может, комары мстили за всех съеденных ею собратьев? Кощей же, наоборот, явно чувствовал себя прекрасно. Топи питали его, словно батарейка. Признавали его, тянулись к нему, с радостью отдавали свои силы. И он с удовольствием принимал подношения, пока Василиса пыталась

не попасть на закуску очередному любителю третьей отрицательной. Это не могло не раздражать.

— Надолго не хватит, — предупредил Кощей, кивнув на лучину. — Минут на пять максимум. Отдохни, и пойдем дальше. Скоро закат.

Воздух и впрямь серел, солнце опустилось ниже: еще немного, и начнет наливаться холодным, не способным согреть багрянцем.

— Что мы тут делаем? — устало вздохнула Василиса. — Почему Баюн не послал Сокола или кого-то из его воробушков? И почему мы должны были идти сюда именно на ночь глядя?

— Баюн не послал Сокола, потому что после недавней ведьмы и того, что он нашел в ее подвале, тот не очень-то хорошо держит себя в руках, когда чувствует темную магию. Мы же тут, судя по всему, имеем дело с детьми, незачем их пугать раньше времени. А ты у нас милая, приятная женщина, которая должна вызвать чувство доверия.

— Я не умею общаться с детьми.

— Как будто бы, кроме Божены, в Конторе кто-то это умеет. Ну, может, еще Настасья. Но будить Божию по такому поводу в середине лета как минимум жестоко.

Василиса хмыкнула. Слушать от Кощея рассуждения о жестокости было как минимум забавно.

— А вот Настя была бы счастлива здесь оказаться, — пробормотала она. — Вообще где угодно, только бы не сидеть дома. Так почему мы не пошли днем?

— Потому что у меня были важная встреча в обед и судебное заседание после. Еще вопросы есть?

— Есть!

— Что же ты раньше их не задавала?

— Потому что надеялась на романтическую прогулку, — огрызнулась Василиса и с тоской посмотрела на лучинку.

Та быстро и верно истлевала, и вместе с ней таяли последние секунды без вездесущих кровососов.

— На болоте? В следующий раз просто попроси, и я свожу тебя на свидание.

— Когда, если ты все время работаешь?

Кощей не ответил, и Василиса тяжело вздохнула.

— Ладно, прости. Сегодня был сумасшедший день. Баюн не в духе, я устала, а теперь меня едят комары, я хочу домой и спать, и я терпеть не могу болота...

Кощей отвел взгляд. В конце концов, в том, что Василиса терпеть не могла болота, был виноват он — и отнюдь не косвенно.

— Ты их чуешь? — с надеждой спросила Василиса.

— Где-то близко. Возможно, прикрылись какими-то чарами. Скоро найдем. Да и после захода солнца ты будешь при силах, так надежнее.

— Да, — согласилась она и снова огляделась.

На этом участке болот, где Лес чаще всего открывал тропу из соседнего мира, жила ведьма, подотчетная Западно-Сибирскому отделению Управления по надзору за магией и магической миграцией. Она присматривала за тропами и не давала охочим до острых ощущений туристам угодить куда не надо. Однако десятого июля ведьма не прислала обычный ежемесячный отчет. Сначала в отделении снисходительно посмеялись: недавно отмечали Купальную ночь, а после нее ведьмы, как правило, долго приходили в чувство. Но попытки связаться с ней результата не дали. Зато местная кикимора радостно доложила, что ведьму давно не видела, а вместо нее теперь здесь всю хозяйничает молодая девчонка. «Во-о-оть тякусенький детеныш, — шепелявила кикимора и противно улыбалась. — Славненькая такая девочка, молодое еще мяско». По заверениям кикиморы, в бывшем доме ведьмы с девчонкой жил мальчик.

Впрочем, гулял он по болотам свободно, а значит, держали его не на жаркое. Заданием Кощея и Василисы на этот вечер было выяснить, что случилось с ведьмой и откуда на болоте взялись дети.

Рядом с пеньком, на который опиралась Василиса, среди скромных белых цветов багульника росла морошка. Маленькие оранжевые ягодки грели взгляд. Василиса оторвала одну, откинула с лица сетку и сунула ее в рот. И тут же выплюнула.

— Кош, — позвала она. — Ягода.

Омерзительный вкус тлена. Спелая ягодка сгнила и даже не заметила этого.

Кощей тоже сорвал ягоду и задумчиво понюхал.

— Неделя... — пробормотал он. — Держись за мной, не высовывайся. Чем ближе, тем лучше. Как увижу их, пойду в дом, а ты жди, пока позову.

— Ты уверен...

— Василиса.

И она умолкла. Разумеется, она понимала: чтобы справиться с Кощеем, нужен кто-то покрепче двух детишек. С другой стороны, внешность обманчива. Яга вон выглядела древней старухой, но стоило ей начать колдовать...

— Просто волнуюсь, — сообщила Кощею Василиса, надеясь, что хотя бы это убережет его от излишней самоуверенности.

— Буду помнить, — кивнул Кощей.

Лучинка мигнула в последний раз и погасла. Сизоватая струйка растаяла, и комары вновь принялись кружить над своей жертвой.

— Идем, — позвал Кощей.

Василиса с тяжелым вздохом оторвалась от пенька, поднялась, ухватившись за протянутую руку, и послушно последовала за ним.

Сумерки сгущались все быстрее, и в полутьме глаза Кошья замерцали изумрудными огоньками, а возле его ног черным туманом за клубились тени. Наверное, не зря Баюн посылал с ним на задания только ее. В Конторе давно забыли, каков Кошья на самом деле, вроде опасаются, но больше по привычке. Увидел бы сейчас кто, почувствовал... Потом бы в коридорах шарахался.

Последние лучи солнца подмигнули на прощание из-за горизонта, и Василиса ощутила знакомое успокаивающее покалывание в пальцах. Ладони налились теплом. Проснувшиеся силы приветствовали свою хозяйку. Одновременно с этим появился домик. Просто в одном из мест туман стал плотнее, из него соткались очертания бревен, а потом и вовсе явилась взгляду хиленькая покосившаяся избушка с утопленным в земле черным слепым окном, поросшей мхом крышей и едва державшейся на петлях дверью. Этот домик источал такую жуть, что Василиса бездумно сделала шаг назад и даже не почувствовала, как нога провалилась в топь. Зато характерный звук услышал Кошья и дернул ее на себя.

— Я сказал рядом! — шепотом рявкнул он.

— Прости, я что-то...

Единственное окошко приковывало взгляд. Ужас перерос в панику, дыхание сбилось, и в страхе зашлось сердце.

А потом все закончилось. Более того, сознание стало ясным-ясным, словно...

— Ты зачаровал меня?

Кошья отстраненно кивнул и пояснил, не отрывая взгляда от домика:

— Скорее, снял чужие чары. Побоялся, что на стук твоего сердца и зов крови явится не только ведьма. В любом случае ее охранные заговоры уже сработали, напустили жути, и она наверняка тебя учуяла.

— Там что-то очень страшное? — спросила Василиса, вспоминая разговор о Соколе и ведьме.

Ох, ну не годится она для работы с темными! Вот вернется в Контору и выскажет Баюну все, что хотела сказать последние лет десять. Или вообще за все время работы, потому что потом ее уволят и случая уже не представится.

Кощей впился заострившимся взглядом в избушку. Смотрел не моргая, стало уже совсем темно, но его зеленые глаза недобро и холодно сверкали, отражая неизвестный свет.

— Нет, — наконец ответил он. — Ничего страшного там нет. И никого. А теперь стой и жди, пока не позову.

Превращение происходило плавно, но быстро. Вот стоял Кощей, а вот его фигура дрогнула, поплыла и сложилась в коршуна, коршун махнул крыльями, оторвался от земли и взлетел, растворившись в ночи. Василиса послушно уставилась на избушку, ожидая сигнал и заставляя себя не думать о болоте. Текли секунды, складывались в минуты, но ничего не происходило. Ждать было невыносимо. Потом что-то грохнуло, раздался вскрик, Василиса не выдержала и ринулась вперед.

Она вбежала в дверь и напоролась на непроглядную тьму. Прищурилась, ища печь — ибо какая же изба без печи, — нащупала слабый отсвет, неяркую теплую дымку, сосредоточившуюся в углу, направила туда поток силы, заставляя жарко вспыхнуть огонь в горниле, и огляделась. Изнутри избушка оказалась куда больше и добротнее, нежели выглядела снаружи. Тут было тепло и сухо. Печь красовалась свежей побелкой, рядом лежал валежник. Посреди стояли стол и лавка, на которой сидел Кощей. Выглядел он недовольно, сжимал и разжимал ладонь, тер правое запястье, и этот старый, хорошо знакомый Василисе жест заставил ее нервничать куда сильнее, чем все остальное. На полу,

скованные магией, лежали двое. Ведьма и ребенок. Мальчику было лет двенадцать. Красивый, черноволосый, кудрявый. Он смотрел на Василису волчонком и явно был напуган. А вот ведьма скрыла лицо за волосами, и непонятно было, сколько ей лет и что она думает о гостях.

— Я же сказал ждать! — зло прошипел Кощей.

— Я услышала твой крик! — возмутилась Василиса.

— Эта ведьмина шавка чуть не прокусила мне руку. Как бы теперь не заразиться чем...

Василиса вздохнула и подошла ближе, взяла его ладонь, осмотрела, зашептала, вкладывая в слова силу:

— На море на Кияне, на острове Буяне, стоят мосты калиновы, на мостах стоят дубовые столы, на столах сидят девицы — белые царицы. Вы, девицы, белые царицы, берите иглы золотые, вздевайте нитки шелковые, зашивайте раны кровавые...

Мальчишка на полу оскалился:

— Чувствуйте себя как дома, гости дорогие. Развяжите уж, мы вас попотчуем, а то как-то неудобно: гости пришли да сидят несолоно хлебавши, а хозяева разлеглись и отдыхают...

Он был в том возрасте, когда ломается голос: явно хотел уверенно пробасить, но едва не сорвался на фальцет. А значит, боялся. И все равно нашел в себе силы язвить.

Василиса договорила последние слова, проследила, чтобы рана на руке Кощея затянулась окончательно. Мальчишка открыл рот, явно намереваясь сказать что-то еще, но в этот момент ведьма развернулась и с силой пнула его в ногу. Волчонок охнул и замолчал, волосы у ведьмы слетели с лица, и наконец стало возможно ее рассмотреть. Кикимора сказала правду: это была совсем молодая девушка, лет шестнадцати-семнадцати, не больше. На худом остром личике выделялись, притягивая взгляд, огромные черные глаза. Но пожалуй, эти

глаза были единственным, чем ведьма могла бы похвастаться. Она была болезненно худа, словно ее морили голодом, и это показалось странным: волчонок был розовощек и явно не страдал от недоедания. Грязные черные волосы спутались в колтуны, бесцветные потрескавшиеся губы сжались в линию. На лице застыло злое и испуганное выражение, которое ее тоже не красило.

— Как тебя зовут? — спросила ее Василиса.

Ведьма растянула губы то ли в оскале, то ли в улыбке, обнажив зубы, и ничего не ответила.

— Послушайте, — начала Василиса заранее заготовленную речь. — Я понимаю, что знакомство началось плохо, но мы пришли с миром. Никто не собирается причинять вам вред. Здесь живет ведьма — Нижинская Агафья Егоровна. Вы ее знаете?

Дети молчали, Василиса вздохнула про себя, признавая, что это будет трудно, и продолжила:

— Нижинская не выходит на связь, и нам доложили, что на границе теперь новые жильцы. Это место подчиняется Западно-Сибирскому отделению Управления по надзору за магией и магической миграцией. Вы напали на сотрудника отделения, поэтому нам пришлось применить силу. Мы заберем вас с собой: нам необходимо выяснить, что случилось с Агафьей Егоровной, а также кто вы и как...

Оскал ведьмы дал трещину. Она кинула пронзительный взгляд на волчонка и замотала головой. Волчонок, впрочем, тоже неожиданно побледнел.

— Мы никуда отсюда не уйдем! — крикнул он. — Мы останемся здесь. Подите прочь!

— Никто ничего вам не сделает... — начала Василиса, но мальчишка перебил, заверещав:

— Вы все так говорите! Они тоже говорили!.. Мы останемся здесь! Уходите! Моя сестра не...

В этот момент девчонка снова пнула его в бок, и мальчик опять замолчал, сцепив губы, словно боялся, что слова вырвутся помимо его воли.

— Это твоя сестра? — переспросила Василиса. — Вы брат и сестра? Как вы здесь оказались?

— Не ваше дело!

— А вот здесь ты ошибаешься, — подал голос Кощей. — А ты, девочка, если и дальше будешь пытаться наслать на нас проклятье, словишь предупреждение от отделения с наложением магических кандалов на месяц. Не самая приятная штука, так что советую хорошо подумать.

— Не смей угрожать моей сестре, — зарычал волчонок, — я тебя сейчас...

Но что он собирался сделать, они так и не узнали, потому что, вероятно, это поняла юная ведьма. Она вдруг изогнулась, приподнявшись над полом, и с силой ударила о него лбом.

— Агата! — закричал мальчик.

Ведьма ударила еще раз, и из ссадины пошла кровь. Мальчишка заплакал, застучал зубами и пополз к ней.

— Я буду молчать! Молчать! — закричал он, прижимаясь к тяжело дышавшей сестре.

— Понятно, заканчиваем цирк, — вздохнул Кощей, достал из сумки Василисы флакон со снотворным, наклонился к девчонке, скрутил ее и капнул несколько капель на плотно сжатые губы.

Волчонок забился, но Кощей повторил этот фокус и с ним, и через несколько секунд они оба крепко спали на полу.

— Честно говоря, я им завидую, — задумчиво произнес Кощей. — Все бы сейчас отдал за теплую постель. Ладно, грузим их и доставляем Баюну, пусть сам решает, что с ними делать.

— Но...

— Здесь их оставлять нельзя, тут небезопасно. Убеждать — мы и до утра не убедим, а у меня процесс в девять. Тем более, у девчонки какие-то проблемы с магической аурой. Контур не замкнут, пусть Варвара с Еленой посмотрят.

— И как мы их потащим до машины? — уныло поинтересовалась Василиса. — Нам будет темно и тяжело.

Кощей усмехнулся и достал из кармана огниво.

— О не-е-ет... — протянула Василиса.

— О да-а! — довольно улыбнулся самый коварный темный колдун во всех известных ей мирах.

— Как думаешь, если уснуть в кабинете Баюна, в моих кошмарах будут присутствовать котики?

Кощей усмехнулся, не открывая глаз. «Не спит», — сделала вывод Василиса, наблюдавшая за ним последние десять минут. Интереснее всего было смотреть на его руки, которые сегодня были практически голыми. Перед походом на болото Кощей снял почти все перстни-артефакты, оставив только четыре: напалок — символ власти, данной Кощейю как царю Нави, широкий серебряный ободок обручального кольца, простое золотое колечко, вызывающее Калинов мост, и маленький перстень с прозрачным камнем, в котором плескалась голубая искорка. Его Кощей носил на мизинце и никогда не снимал.

Они сидели в кабинете Баюна, возглавляющего Западно-Сибирское отделение Управления по надзору за магией и магической миграцией, а для своих попросту Контору, мучились от боли в спине и ягодицах, доставляемой жутко неудобными стульями, и ждали возвращения начальства.

Василиса не знала, как именно Баюн занял свой пост. Из общей истории Управления, которую изучали все сотрудники, она выяснила, что этот мир и ее родной Тридевятый, названный так с чьей-то легкой руки в угоду местным сказкам, являются зеркальными отражениями друг друга. Но отчего-то время в Тридевятом шло в три раза медленнее, нежели здесь. Это был мир зеленых холмов и лесов, колосящихся полей, древних могучих богов, светлой волшбы и темного колдовства. По его дорогам ходили волхвы, в лесах, полях и реках жили десятки странных существ, каждый знал о том, что магия существует, и знал заговор, позволяющий отгородить себя от нее.

Как-то раз Василисе довелось видеть карту родных земель — зеленое полотно, поделенное неровными линиями на царства и княжества. На севере разлилось бескрайнее море. На востоке выросли горы. На юге было нарисовано несколько мужчин на конях в басурманских одеждах — так картограф обозначил кочевников. Они нападали на пограничные земли, грабили села, уводили людей и скот. На западе карта обрывалась. Поговаривали, что там люди живут в каменных городах, но мало кто верил в эти рассказы. На юго-западе было море. В море этом жил сам морской царь — вот это была истинная правда, — а среди его вод возвышался остров Буян, магическая столица обоих миров. Там царствовала Лебедь, и, где бы ни жили ведьмы и колдуны, они повиновались ей. Именно Лебедь учредила Управление как способ контролировать их в этом мире. Попадали из одного мира в другой двумя способами: через Великий Лес, если, конечно, удастся с ним договориться или хватит сил самому найти тропу, или через зеркальный путь, проложенный артефакторами Лебеди. Но мастеров, способных на такое, было совсем мало, и все они беспрекословно подчинялись своей царице. Доподлинно было известно, что

сама Лебедь тоже умеет ходить зеркалами. Василиса знала еще одного колдуна, что так может. Сейчас этот колдун сидел рядом. Он властвовал над третьим известным ей миром, о котором она предпочитала думать поменьше. А не думать о Нави было довольно просто, если работаешь на такого милейшего начальника, как Баюн.

Василиса оторвалась от созерцания рук Кощея и оглядела кабинет.

Обитель Баюна была выполнена в приятных темных оттенках бордового и коричневого. На полу лежал мягкий ворсистый ковер, по которому запрещалось ходить всем, кроме хозяина кабинета. Ближе к окну стоял массивный стол со множеством ящичков и письменным прибором ручной работы. Дубовая столешница хранила многочисленные следы начальственного гнева: царапины и вмятины от железных когтей. За столом примостилось резное вольтеровское кресло с высокой спинкой, обитое бархатом, с заботливо положенной на сиденье затейливо вышитой подушечкой. На стене за креслом висел портрет Гвидона и Лебеди: Гвидон взирал благосклонно, царица двух миров смотрела испытующе. Тут же находился шкаф, в котором Баюн хранил важные документы, а также настойки личного изготовления. На подоконнике единственного окна обитал мирт. Он был знаменит тем, что не боялся хозяйского нрава (только этим можно было объяснить его долголетие) и трепетал не от ужаса, а исключительно от негодования, вызванного посетителями. В общем, все в кабинете говорило о том, что его хозяин ценит покой, комфорт и раболепство со стороны подчиненных. К большому сожалению Баюна, со всем этим дела в Конторе обстояли неважно.

Мирт на окне разделял мнение хозяина о местных сотрудниках и в данный момент потрясал всеми листьями,

дабы присутствующие не забывали позицию отсутствующего начальства. А начальство и впрямь проявляло недовольство. Впрочем, как и всегда. Иногда Василисе казалось, что заслужить от Баюна похвалу после задания можно, только на этом самом задании умерев, и тогда кот снизойдет до панихиды. Но и это было не точно.

Баюн вообще славился дурным характером. За восемнадцать лет работы с ним Василиса видела его в добром расположении духа всего несколько раз, и каждый из них оборачивался головной болью для сотрудников Конторы. Подчиненные шутили, что у Баюна существует три настроения: легкое недовольство, среднее раздражение и «всем кирдык». Василиса могла поспорить: как-то раз ей довелось наблюдать четвертый вариант — лютое бешенство, после чего легкое недовольство воспринималось ею исключительно как радужное состояние.

Сейчас Баюн был зол, и Василиса радовалась, что Кощей рядом: она слишком устала, чтобы выслушивать нотации от начальства, и Кощей устал, а значит, кот трижды подумает, прежде чем перейти к явной экзекуции.

Дверь распахнулась и с грохотом впечаталась в стену. На пороге возник крепко сбитый невысокий мужчина лет пятидесяти с буйными густыми темными волосами, которым позавидовал бы любой его ровесник. Он очень походил на человека — и при этом абсолютно точно им не являлся. Его внешность была заслугой артефакта — золотого кулона, висящего на цепи у него на шее. Но какой бы силой ни обладал этот артефакт, он не мог полностью сдержать сущность Баюна — порождения первобытного хаоса в кошачьем обличье, сторожащего границу между Навью и мирами живых. Одни говорили, что кота в его истинном обличье не держит земля, поэтому он стерпел унижение и согласился на человеческое тело, другие — что это был приказ Лебеди,

которого он не смог послушаться. Но как бы там ни было, Баюна выдавали железные когти и клыки, хорошо заметные во время разговора. На дне карих глаз то и дело начинал кружить золотой вихрь. И тьмой от него разило так, что хотелось отойти подальше. И еще подальше. И еще...

Впрочем, тем, кто имел счастье пообщаться с ним хоть раз, и без этого не особо-то хотелось снова к нему приближаться.

— Поговорить! — взревел Баюн и смерчем влетел в кабинет. Обогнул стол, сметя лежащие на краю бумаги, и, не заметив этого, грузно упал в свое кресло, воткнул когти в столешницу и подался вперед. — Объяснить! Сопроводить к нам добровольно! Какое из этих слов вам незнакомо?! На следующий же праздник я подарю вам толковый словарь, и вы будете изучать его по вечерам, а потом докладывать мне об успехах! Какого черта вы устроили?

Кощей потер переносицу и устало, но совершенно спокойно отозвался:

— Ребята попались нервные. Я решил, что большой пушистый котик вполне сойдет за игрушку-антистресс, и пригласил их сюда. Добровольно они идти не захотели, а мне завтра вставать рано. Не хочешь показать им свое истинное лицо?

Уже после слов о большом пушистом котике радужки у Баюна налились золотом, а железные когти с неприятным звуком резанули по столешнице. Сверкнув глазами, он перевел взгляд на Василису.

— Я предупреждала тебя, что не гожусь для работы с детьми, — поспешно начала Василиса. — Кощей уж тем более не создан для душевных бесед. Они напали на него, ему пришлось их скрутить, а потом девочка попыталась разбить себе голову об пол, и мы применили снотворное. Если уж на то пошло, надо было посылать Варвару и Горбунка, все-таки он наш штатный психолог.

Баюн оскалился. Сверкнули острые клыки.

— Я послал вас, значит, так было нужно! Что по магическому раскладу?

— Девчонка сильна, попыталась меня проклясть, было забавно, — поморщился Кощей. — Мальчик особой магической активности не проявлял, но, полагаю, это могло быть по незнанию, а не из-за отсутствия способностей. В любом случае у меня сложилось впечатление, что они ожидали гостей, но не знали точно, кто это будет, и, возможно, приняли нас за них. Правда, там на болотах... — Кощей замолчал, что-то обдумывая, потом резко продолжил: — Девочка так перестаралась с отпугивающей сетью, что сама выдала свое местоположение. С другой стороны, сработала на совесть: ужасом разит за версту. Думаю, сворачивать ее пока нет смысла: участок остался без ведьмы, а с сетью вряд ли кто-то из простых смертных сунется на тропу. След ведьмы есть, но остывающий. Она не появлялась в доме около недели. Полагаю, дети несанкционированно ходили у нее в учениках и могут что-то знать о ее пропаже. И да, у девчонки проблемы с аурой. Пусть Варвара глянет.

Василиса вскинула брови и с трудом подавила зависть. Они были в одном месте и видели одно и то же. Когда он успел все это подметить?

— Отлично, — мотнул головой Баюн. — Что ж, думаю, до утра детки поспят, а потом можно с ними поговорить. И ты, Василиса, этим займешься.

— Я? — удивленно переспросила она. — Ты правда думаешь, что после того, как мы напали на них, скрутили, усыпили и доставили сюда, они захотят со мной разговаривать?

— Я даже думать об этом не буду, — едва ли не промурлыкал Баюн, внезапно меняя гнев на милость, что само по себе было очень тревожным знаком. — Я хочу видеть

результат. Завтра к окончанию рабочего дня у меня на столе должен лежать отчет о сегодняшнем выезде, дополненный результатами твоей беседы с детьми. А теперь, Константин Иосифович, забирайте свою супругу, и чтобы через минуту я вас здесь больше не видел!

Кощей взглянул ему в глаза совершенно спокойно.

— Благодарствую за высочайшее соизволение, — с насмешливым почтением ответил он.

Баюн зашипел, но его шея предательски склонила голову в поклоне.

— Будь проклят тот день, когда я привел тебя в Контору! — прохрипел Баюн.

— Я сам пришел, — успокоил его Кощей. — И я тоже испытываю к тебе самые теплые чувства. Да не волнуйся ты так, а то удар хватит. Ходить потом еще за тобой...

Василисе показалось, что за спиной Баюна мелькнул кончик пушистого хвоста. А вот когти его точно удлинлись. Иногда она забывала, что когда-то ее начальство вполне себе безжалостно убивало и в благостном расположении духа. Дело запахло паленым, так что она схватила мужа под руку и в спешке покинула кабинет главы Конторы, на ходу подметив, что от их с Кошеем болотных сапог на любимых длинноворсовых коврах Баюна таки остались следы. В последний момент кинула взгляд на окно. Мирт едва ли не раскачивался от ярости, рискуя упасть с подоконника вместе с цветочным горшком.

Черный джип Кошея стоял у ворот Конторы. Интерьер машины был зачарован на чистоту, и можно было не бояться, что болотная грязь с сапог нанесет хотя бы малейший

урон идеально чистым коврикам, натертой до блеска полированной обивке или светлой коже сидений. Машину мужа Василиса любила, в ней ей всегда становилось спокойно, здесь от нее ничего не зависело и она ничего не решала: едешь и наслаждаешься. Так что она откинулась на спинку сиденья и устало прикрыла глаза. От долгой прогулки по болотам, тряски на псе из огнива и пытки стульями в кабинете Баюна ломило все тело. Время было уже за полночь, страшно хотелось спать. Кощей выглядел не лучше. Он не торопился заводить машину, вероятно, давая себе время собраться с силами — они жили в небольшом коттеджном поселке за городом, и до него еще нужно было доехать, — и просто сидел, уставившись в невидимую точку на руле.

— Знаешь, — устало вздохнула Василиса, глядя сквозь едва приоткрытые веки на ярко горящий уличный фонарь. — Настя мне рассказывала, как она порой Соколу с работой помогала. Так вот, ее послушать, сплошная романтика да забавные случаи. И я даже немного обрадовалась, мы же тысячу лет вдвоем на вызовы не ходили. Думала, вдруг в этот раз у нас тоже будет интересно и романтично. А в результате меня перепугали, а тебя покусали... Что с нами не так?

— Полагаю, Настасья просто хорошо подбирает слова и рассказывает исключительно о том, о чем хочет, — зевнул Кощей.

— Может быть. А еще, чтобы уж совсем соответствовать матерым безопасникам, по приезде домой я должна затащить тебя в постель. Ну, знаешь, секс...

Кощей поперхнулся.

— Секс? Это тот самый, где надо двигаться?

— Боюсь, что да, — ужаснулась собственному предложению Василиса.

— Прости, дорогая, но это как-нибудь без меня.

Она негромко рассмеялась.

— Хвала богам, а то я уже испугалась, что ты согласишься, — улыбнулась она, а потом тоже зевнула и окончательно закрыла глаза, намереваясь всю дорогу до дома проспать.

Все у них не так. И к лучшему.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказка первая	
в которой жили-были...	7
 Сказка вторая	
в которой все оборачивается	
не тем, чем казалось	247
 Сказка третья	
Та самая. О любви	467

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

